

Когда оба снова вернулись на свои места, утренняя самоподготовка уже вовсю шла.

Старшая школа в выпускном классе — совсем не то же самое, что первый или второй год обучения, тут с самого начала погружаешься в подготовку к единому экзамену. В правом верхнем углу классной доски бросался в глаза красный отсчет дней до гаокао, подстегивая вчерашних школьников, только-только вернувшихся к учебе после каникул, и натягивая их нервы до предела.

Учительского надзора не требовалось: ученики сами, по собственной воле, раскрывали справочники, чтобы повторить пройденное или порешать задачи.

Цзи Хуай, казалось, ничуть не беспокоился, что может провалить экзамены. Разобравшись с учебниками, он согнулся в пояснице, уткнулся лицом в парту и снова заснул.

Видя это, Линь Ишэнь мог лишь молча убрать химические конспекты, которые корпел составлять всю прошлую ночь, и послушно достать сборник тестов Ван Хоусюна.

Утреннее августовское солнце палило нещадно, припекая кожу так, будто её обжигало огнем. Старый подвесной вентилятор в классе скрипел при каждом обороте, и налетали порывы прохлады, которые хоть немного разгоняли духоту.

Линь Ишэнь сам не заметил, как полностью прошел один вариант теста. Решив последнюю сложную задачу, он с чувством выполненного долга отложил ручку и потряс слегка затекшим запястьем. Сидящий рядом человек, судя по всему, спал очень беспокойно: он немного подвинулся, лицо его открылось, и теперь он лежал прямо вполоборота к нему.

Солнечный свет пал на лицо Цзи Хуая, чьи брови и глаза, казалось, были созданы самим творцом с особым пристрастием. На здоровой коже пшеничного оттенка мягкий пушок расцветал крошечными световыми пятнышками, на лице нельзя было отыскать ни единого изъяна. Плотно сомкнутые веки скрывали привычную суровость и вспыльчивость, и лишь нахмуренные брови выдавали в нем истинную природу Альфы.

Линь Ишэнь засмотрелся на него и погрузился в задумчивость, в глубине души невольно сетуя: ну надо же, такой красивый парень, а почему у него характер хуже собачьего?

Телосложение у Линь Ишэня было не из крепких, и если бы дело дошло до серьезной стычки, те два Альфы, может, и не пострадали бы, а вот его самого пришлось бы первыми уносить в медпункт.

У Беты есть железы, но нет феромонов, нет ни периода течки, ни периода гона. Тем не менее, они способны чувствовать запах феромонов, вот только не умеют распознавать эмоциональные изменения и послания, скрытые в феромонах Омег и Альф.

Они встретились взглядами, и Линь Ишэнь с чувством вины и испугом отвел лицо в сторону, делая вид, что ничего не произошло.

Госпожа Чжан Минь была женщиной-Альфой и, как многие Альфы, отличалась прямолинейным и взрывным нравом. Она хлопнула ладонью по учительскому столу и взревела:

— Чего это вы все состроили такие кислые мины, будто у вас отца хоронят? Десяти дней каникул вам еще не хватило, чтобы дурь выбить? Вы же ученики выпускного класса, как это вы до сих пор не взялись за ум? С таким-то настроением разве можно сдать экзамены на хорошие баллы и поступить в хороший университет!

Цзи Хуай выпрямился, губы его были сжаты в тонкую линию, а во взгляде не было и намека на дружелюбие.

Школьный хулиган, который всегда лез в драку по первому зову, на сей раз неожиданно сдал позиции — такое происходило впервые на памяти всех присутствующих.

Линь Ишэнь не смел даже дышать полной грудью, сидеть на стуле для него было всё равно что на иголках.

Линь Ишэнь не мог бы похвастаться, что знает своего соседа по парте досконально, но он точно знал: судя по собачьему нраву Цзи Хуая, тот вполне мог сцепиться с госпожой Чжан прямо посреди урока.

Опасаясь грозного авторитета госпожи Чжан, заработанного за последние два года, никто не осмеливался в этот момент идти ей наперекор, все лишь втянули головы в плечи и молчали. Даже Цзи Хуай, до этого лежавший на парте, неизвестно когда оперся рукой о голову. Вид у него был вялый, на дне глаз залегла суровость — вылитый портрет человека, чей сон потревожили, он испытывал сильнейшее раздражение и был готов в любой момент взорваться.

Два Альфы сошлись нос к носу, словно острие против острие, в воздухе висело невидимое напряжение предгрозовой войны, и в и без того тихом классе теперь, казалось, стихло даже дыхание.

Те, кто знал Цзи Хуая получше, понимали: это предвестник его гнева. Да и госпожа Чжан отнюдь не отличалась мягким нравом.

Когда Линь Ишэнь в очередной раз не удержался и бросил на него тайный вороватый взгляд, Цзи Хуай тут же поймал его с поличным.

Разумеется, феромоны Альф и Омег определенным образом влияют на Бет. Феромоны Омег способны соблазнять Бету, в то время как феромоны Альф, напротив, вызывают у Беты неконтролируемое чувство подавленности и подчинения.

Если бы два Альфы действительно сошлись в схватке на феромонах, то он, Бета, сидевший к Цзи Хуаю ближе всех, неизбежно пострадал бы за компанию.

Он уже мысленно приготовился к тому, что вскоре очнется в медпункте, как вдруг услышал, что Цзи Хуай, оставив свою прежнюю заносчивость и спесивость, ленивым тоном произнес:

— Ничего.

Она слегка прищурила глаза и, улыбнувшись без тени улыбки, назвала Цзи Хуая по имени:

— Цзи, сударь, с таким отношением вы, часом, не считаете, что учитель где-то неправа?

Прозвенел звонок на утреннюю перемену, и ученики, еще минуту назад прилежно грызшие гранит науки, уже не могли сдержать бунтарский дух, разгулявшийся за каникулы. Впрочем, порезвиться они не успели: классная руководительница, госпожа Чжан, точно по расписанию шагнула в класс.

Он то и дело украдкой косился на Цзи Хуая, заранее мысленно приготовившись сорваться с места и дать драпу через заднюю дверь, стоять только тому подняться.

Цзи Хуай сверлил взглядом макушку Линь Ишэня, думая о чем-то своем, и раздраженно цыкнул, что тут же услышала страстно вещавшая с возвышения госпожа Чжан.

Только что приободрившиеся школьники разом притихли, лица их сделались скорбными, точно на похоронах. Стоило им только ее увидеть, как становилось ясно: ничего хорошего жди!

Его вороватые взгляды, повадками напоминавшие пугливую мышь, были слишком заметны, и Цзи Хуаю было бы трудно притвориться, будто он ничего не замечает.

Госпожа Чжан тоже была изрядно удивлена. Понимая, что перегибать палку не стоит, она ограничилась парочкой мягких укоров, и на этом инцидент был исчерпан.

Благодаря этому эпизоду госпожа Чжан немного сбавила обороты и наконец-то перешла к делу спокойным тоном:

— С сегодняшнего дня, за исключением еженедельного урока физкультуры, все остальные общеобразовательные уроки отменяются.

— Не говорите потом, что я не дала вам времени. Даю вам три дня на то, чтобы как следует всё повторить. В четверг и пятницу начнется первое пробное тестирование, и у тех, чей результат резко упадет...

Госпожа Чжан сделала паузу, сузила глаза и зловеще продолжила:

— Все до единого будут целую неделю мыть туалеты!

Удары следовали один за другим, и по классу прокатилась волна скорбных стонов.

Не испытывая ни малейшей жалости, госпожа Чжан на своих каблуках с величественным видом вышла из класса.

Атмосфера в помещении еще долго оставалась удрученной, но со звонком на урок ученикам пришлось смириться с неизбежной судьбой.

Первым уроком шла химия. Линь Ишэнь выпрямил спину и снова вытащил тетрадь, которую только что убрал. Боковым зрением он невольно скосил глаза на соседа и, разумеется, вновь обнаружил Цзи Хуая, который уткнулся носом в парту и спал.

Он невольно подумал про себя: с чего это Цзи Хуай сегодня выглядит таким сонным? Уж не заболел ли?

Он то и дело украдкой поглядывал на него. Из-за того, что он постоянно отвлекался, учитель химии поймал его с поличным и вызвал к доске:

— Линь Ишэнь, иди реши эту задачу.

Линь Ишэнь густо покраснел, вскочил со стула и быстрыми шагами направился к подиуму. Эту задачу из учебника он как раз вчера вечером просматривал при подготовке, так что решить ее мог.

Быстро записав решение, он опустил голову и украдкой приподнял брови, ожидая похвалы.

Учитель химии бросил взгляд на доску и поддел его:

— Неплохо, решено верно. Только не забывай внимательно слушать объяснения, а то в следующий раз на другой задаче уже может и не повезти.

Весь класс разразился дружным смехом.

Уши Линь Ишэня загорелись от стыда, и, получив одобрение учителя, он пустился бежать обратно к своему месту, словно спасаясь бегством. Оставшиеся до обеденного перерыва уроки он сидел не смея повернуть голову, глядя исключительно перед собой и смертельно боясь, что его снова вызовут к доске с критикой.

Прозвенел звонок на обед, и томившиеся с самого утра ученики тут же, подобно выпущенным на волю птицам, с шумом и гамом вылетели из класса, мгновенно растворившись в коридорах.

Линь Ишэнь собирал учебники и тетради, когда к нему от передних парт подошел Ли Сян:

— Староста, дособерешь потом! В столовой сегодня дают свинину в кисло-сладком соусе, пойдешь медленно — эти животные всё до единого куска растащат.

В семнадцать-восемнадцать лет подростки как раз активно росли, аппетит у всех был отменный, а порции свинины в столовой выдавались строго лимитировано. Если замешкаться, впору остаться без подливки.

— Что же ты раньше не сказал!

Услышав это, Линь Ишэнь тут же бросил тетради, запихнув их все разом в ящик парты, и схватил Ли Сяна за руку, помчавшись к выходу даже быстрее него.

Ли Сян, которого он тянул за собой, едва переставлял ноги и в панике закричал:

— Староста, помедленнее! Я же спотыкаюсь!

— Ой, какой ты нерасторопный!

Шумные голоса ребят затихали по мере того, как они удалялись. В классе моментально опустело и стало тихо, если не считать всё еще спавшего Цзи Хуая.

Спустя какое-то время погруженный в сон юноша медленно приподнял голову. Его мрачный, тяжелый взгляд уставился на полуоткрытую дверь класса, скулы судорожно сжались, словно он из последних сил сдерживал какую-то боль.

После обеда Ли Сян принялся канючить, чтобы Линь Ишэнь угостил его молочным чаем с таро и бобовыми шариками. Линь Ишэнь позволил увлечь себя в чайную лавку, но когда делал заказ, в его голове внезапно промелькнул образ Цзи Хуая — сам не зная почему, он взял еще одну порцию.

Сосед по парте ведь, кажется, даже не спускался на обед. Эта мысль мелькнула в голове пулей, и когда Линь Ишэнь опомнился, он уже прихватил к заказу еще и сэндвич.

Ли Сян с довольным видом сделал жадный глоток молочного чая, а когда повернулся и увидел в руках Линь Ишэня целых два стакана чая и огромный двойной сэндвич, глаза у него полезли на лоб от изумления.

— Староста, ты что, еще не наелся?

Он же только что умял две порции риса.

Ли Сян с благоговейным ужасом уставился на него и медленно поднял вверх большой палец:

— Не думал я, что ты такой знатный едок. Мое почтение, моё почтение.

Линь Ишэнь: «.....»

Предайте меня забвению, объясняться не хочется.

На обеденный перерыв отводилось целых два часа, и большинство учеников предпочитало возвращаться в общежитие, чтобы поспать. Линь Ишэнь вернулся быстро, и в классе по-прежнему находился один лишь Цзи Хуай.

Он не стал сразу заходить в помещение, а прислонился к перилам галереи, закусив соломинку и так морща свои симпатичные черты лица от внутренних сомнений, что те собрались в гармошку.

Разве не слишком странно вот так внезапно принести обед соседу по парте, с которым у них едва ли есть какие-то отношения? К тому же, учитывая собачий нрав Цзи Хуая, что, если он не только не оценит доброту, но еще и сорвет утреннюю злость и врежет ему?

Может, ну его, не стоит?..

Он сильнее сжал пальцы на пластиковых ручках пакета и бросил взгляд через окно на спящего парня.

Брови Цзи Хуая были тяжело сдвинуты, лицо покрывал нездоровый румянец, левая рука подпирала голову, а правая засунута под парту, словно он прижимал ладонь к животу.

С первого взгляда было очевидно, что ему крайне плохо.

Линь Ишэнь никогда не отличался черствым сердцем и не выносил, когда кому-то было худо.

Он подумал: в конце концов, я же староста. Какое преступление в том, чтобы староста проявил заботу о заболевшем однокласснике? Разве тут есть хоть какая-то проблема? Никакой проблемы.

И в следующую минуту стакан с молочным чаем и сэндвич аккуратно опустились на свободное место за партой Цзи Хуая.

Движения его были легкими, разбудить Цзи Хуая он не боялся.

Тихонько выдохнув с облегчением, он на цыпочках, словно заправский воришка, выскользнул из класса, унеся с собой свою скромную тайну.

Полуденное солнце пробивалось сквозь оконное стекло, обжигая кожу лучами. Старый потолочный вентилятор по-прежнему скрипел, старательно нагоняя волны духоты вместе с летним зноем.

Лежавший на парте юноша шевельнулся. Лишь спустя долгое время он протянул правую руку, и пальцы с отчетливо выступающими суставами обхватили прохладный стакан с чаем.

Ледяная протемператур пробилась сквозь ладонь прямо в сердце, и беспричинная тревога внутри вдруг неожиданно улеглась. Уголки губ Цзи Хуая чуть заметно приподнялись.

— Какой же дурак.

<http://bllate.org/book/21021/2136834>